

Н.М. Солнцева

**Хартинг Дж.Э. Орнитология Шекспира /
Пер. с англ. П. Тушаро. М.: Libra, 2019.
140 с.**

N.M. Solntseva

**Harting J.E. The Ornithology of Shakespeare /
Transl. by P. Tusharo. Moscow. Libra, 2019. 140 p.**

Тема книги – птицы в произведениях Шекспира. Автор – журналист и орнитолог Джеймс Эдмунд Хартинг (1841–1928). Перевод осуществлен по изданию: *Harting D.E. The Ornithology of Shakespeare. London: van Voorst, 1871.* В слове от издателя мотивируются купюры, предпринятые в русском издании: обстоятельное описание не связанных с орнитологией разночтений в шекспировских текстах и не упомянутых Шекспиром охотничьих приспособлений, избыточность объяснения вариантов орнитологических терминов. Для полноты картины представим названия глав: «Орел и крупные хищные птицы», «Соколы и соколиная охота», «Сова и ассоциации с нею», «Вороны и их сородичи», «Птицы певчие», «Домашняя птица», «Пернатая дичь», «Водоплавающая дичь и морские птицы», «Разные птицы, не включенные в предыдущие главы». Завершают книгу указатель произведений Шекспира и их переводчиков, список иллюстраций. Формат книги карманный.

Текст вводит нас в пространство Шекспира и мир птиц, оторваться от него можно разве что на разглядывание гравюр художника-натуралиста Чарльза Фредерика Танниклиффа. Автор исходил из того, что Шекспир, безусловно, был охотником и натуралистом, хорошо знал мир природы и этот опыт спроецировал на образный ряд произведений – сравнения, эпитеты, аллюзии, антитезы и т. д. По сути, Хартинг исследовал источники образов Шекспира, и его труд представляет собой развернутый, очень информативный орнитологический комментарий поэтики.

Благодаря Хартингу мы видим, сколь виртуозно Шекспир использовал в образотворчестве биологическую специфику птиц. Ссылаясь на Плиния, автор упоминает об испытании для птенцов орла – смотреть на солнце, и в «Генрихе VI» эта особенность ассоциирована: «Коль ты птенец могучего орла, / Взглянув на солнце, докажи свой род». Или повторяющийся в текстах Шекспира мотив забо-

ты родителей о детях соответствует инстинкту защиты птенцов взрослыми птицами. При описании глухого места в трагедии «Тит и Андроник» («Здесь солнца нет, и водятся здесь только / Сова ночная да зловещий ворон») использовано стремление ворона к уединению во время гнездования. Прожорливость бакланов обыгрывается в «Ричарде II», «Кориолане», «Бесплодных усилиях любви», а «война бакланов» в «Троиле и Крессиде» означает войну кровопролитную. Особое место в книге отведено образному восприятию певчих птиц – соловья, жаворонка, а сходство жаворонка с овсянкой отражено в словах лорда Лафе («Все хорошо, что хорошо кончается»), принявшего жаворонка за овсянку. Биологическая информация корректирует понимание текста, например строк о Купидоне из «Бури»: «И клятву дал вперед с людьми не знаясь / И воробьями вместо них заняться, / Как все мальчишки», – которые автор сопровождает таким комментарием: «Плодовитость воробьев вполне известна» (стр. 90). Непрозрачная семантическая связь лексем «голубь» и «желчь» в строках из «Гамлета» «... Уж сердце у меня / Не голубиное ль, или нет желчи вовсе» получает разъяснение: у голубя нет желчного пузыря, в нем просто нет нужды – птица тщательно перерабатывает пищу в зобе.

Хартинг блистательно обнаруживает мифогенность орнитологии. Появление совы считается дурным знаком, а в «Макбете» крыло совы – компонент зелья ведьм. С мрачной легендой, распространенной в некоторых регионах Англии, связана фраза из «Гамлета»: «Говорят, что сова была дочь пекаря». У Шекспира сова – роковая, зловещая, жуткая и т. п. Такая же мифология сложилась вокруг ворона. Приведем один из многих примеров: «Я бы покаркал над ним, что твой ворон, напророчил бы ему беду!» («Троил и Крессида»). Кроме того, ворон предсказывает судьбу, и у Шекспира он – обладатель тайного знания. Или в книге дана предпринятая Шекспиром интерпретация поверья о том, что вороны испытывают отвращение к вылупившимся птенцам и возвращаются в гнездо, когда птенцы покрываются оперением, что нашло отражение и в Псалмах, и в Книге Иова, и в трактате Бартоломея Английского «О свойствах вещей», и в трактате Исаака Уолтона «Искусный рыболов». В Книге Царств Илия слышит слова Господа о том, что его будут кормить вороны, и это соответствует легенде о воронах, оставивших своих птенцов и кормящих брошенных детей; ее отзвук есть в «Зимней сказке». Или строки «Филомела, подпевай, / Сон отрадней навевай» («Сон в летнюю ночь»), «Тем временем в поголубевшей мгле / Плач Филомелы сладкий отзвучал» («Обесчещенная Лукреция») объясняются мифом о дочери афинского царя Пандиона, у которой насильник вырвал язык, но Зевс превратил ее в соловья. Оказывается, в давние времена удачливого любовника называли кукушкой, а к июню пение кукушки уже не привлекает прежнего внимания, – и проясняется смысл фразы Генриха IV: «Когда он был доступен лицезнью, / Напоминал кукушку он в июне». Мистическая мифология петуха использована, например, в «Гамлете». У вопроса «Не вдохновлял ли голубь Магомета?» («Генрих VI») есть предыстория: голубь питался пшеницей из уха Магомета, однако люди думали, что то дух святой дает пророку совет.

Шекспировская орнитология служит описанию характеров персонажей, по сути – психотипов. Например, павлин обозначает самолюбование («Троил и Крессида», «Генрих VI»), чайка маркирует глупость («Генрих V», «Отелло», «Тимон Афинский», «Двенадцатая ночь»). Очевидна ирония Фальстафа, которому, конечно, известна трусливая натура голубя: «Ты будешь так же отважен, как разъярен-

ный голубь» («Генрих IV»). В «Укрощении строптивой» Бьянка названа «злой соколихой», что соотносено автором книги со злобными и истеричными соколами, которых сокольники ловили уже взрослыми.

Много места в книге отведено описанию бытовой культуры. Так, уже в древности развлекались петушиными боями («Антоний и Клеопатра»). Особое внимание уделено соколиной охоте – дорогостоящему, указывающему на статус охотника увлечению, чему соответствуют такие строки ХСІ сонета: «Кто хвалится родством своим со знатью, / Кто силой, кто блестящим галуном, / Кто кошельком, кто пряжками на платье, / Кто соколом, собакой, скакуном». Хартинг подчеркивает, что в пьесах Шекспира соколиная охота упоминается часто и со знанием дела. Причем, казалось, невероятную ситуацию в «Макбете» («Я видел, как паривший в небе сокол / Совою был достигнут и заклеван») автор подтверждает реальным фактом: «Однако нам известен случай, когда старая неясить, действительно, убила и пожрала пустельгу, содержащуюся в одном с ней авиарии»¹ (стр. 31). Или слова Отелло «...если легкокрылые игрушки / Пернатого Эрота сладкой ленью / Зашьют глаза моим душевным силам» и слова Дездемоны «Отцу глаза, как соколу, зашить» объясняются таким обычаем: ближние к клюву края верхнего и нижнего век пойманного сокола соединяли нитью, чтобы приучить к клобучку. Ярко представлены образотворческие возможности охоты с орлами. С одной стороны, орел уязвим, на него направлено оружие, ему расставлены ловушки, что запечатлено в строках «И часто, утешаясь, замечаем, / Что жук надкрыльем защищен надежней, / Чем крыльями – орел» («Цимбелин»); с другой – путешественники в Московию сообщали, что цари ходят с орлами на ланей, лис и прочую крупную дичь» (стр. 19), чему созвучен образ «Она была, / Как воплощенье чистоты святой, / Как лань в когтях у горного орла» («Обесчещенная Лукреция»). Источником сравнений, метафор стала и утиная охота («Много шума из ничего», «Генрих IV»).

Вместе с тем Хартинг пишет о поэтических вольностях Шекспира, к которым он, орнитолог, снисходителен: «Но было бы абсурдным ожидать научной точности от поэзии» (стр. 15). Он отмечает, что названия конкретных птиц Шекспир употреблял расширительно и не вполне точно. Не всегда очевидно, завирушку Шекспир имеет в виду или домового воробья. Ночной ворон в «Много шума из ничего», по предположению Хартинга, – выпь, что из семейства цаплевых. Или в «Ромео и Джульетте» орел назван зеленоглазым, тогда как «у всех знакомых представителей этого рода цвет радужки либо карий, либо желтый» (стр. 15). Совы, оказывается, не нападают на голубей, но у Шекспира встречаются такие ассоциации: «Спит голубок, намеченный совой» («Обесчещенная Лукреция»), «Эй, берегись, поймает сыч голубку» («Укрощение строптивой»). Подобные небрежности, как замечено в книге, допускаются сознательно – ради выразительного образа.

Интересны замечания Хартинга относительно степени частотности упоминания птиц в произведениях Шекспира. Теперь мы знаем, что крапивник встречается реже завирушки, а бекас – реже вальдшнепа, трясогузка и фазан упоминаются лишь раз, а о домашних птицах, особенно голубях и гусях, говорится часто и т. д.

Итак, художественная орнитология Шекспира исследована педантично и с точным попаданием в лузу. Во всяком случае, так представляется нам – не орнитологам.

¹ Пустельга – из отряда соколообразных семейства соколиных, неясить – из семейства совиных.

В заключение выскажем наши сомнения относительно издательской мистификации. Переводчик этой поистине увлекательной и познавательной книги – П. Тущаро. Или обладатель копирайта А. Филиппов-Чехов – переводчик произведений Р. Вальзера, И. Готтхельфа, В. Бенямина, Б. Брехта, Г. Бюхнера, Г. Зиммеля, Х. Мюллера, П. Целана, Ф. Кафки, Э. Кракауэра, А. Шмидта и др.? ... Тогда эта подмена вполне отвечает поэтическим вольностям Шекспира.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru